

УДК 81' 255

Олейник А.Ю.

Московский государственный областной университет

ОПЕРАЦИОННАЯ СТОРОНА ПЕРЕВОДА И ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

A. Oleyunik

Moscow State Regional University

THE OPERATING ASPECT OF TRANSLATION AND ISSUES OF TRANSLATORS TRAINING

Аннотация. Целью настоящего исследования является изучение проблем, связанных с совершенствованием навыков овладения переводческими приёмами. В работе проводится анализ вариативной и инвариантной стороны перевода, предлагается положительный мотив переводческих приёмов, рассматривается принцип их включённости в динамику текстового дискурса, предпринимается попытка определить статус многоуровневых преобразований в переводе. Основное внимание уделяется анализу критериев оценки глубины переводческой вариативности: нижним критерием является языковая форма текста, а в качестве верхнего критерия оценки выступает дискурсивная форма. В заключение поднимается вопрос об изучении философских, культурологических и стилистических аспектов перевода.

Ключевые слова: теория и практика перевода, вопросы преподавания перевода, переводческие приёмы, языковая форма текста, смысловая форма текста, мотивы применения трансформаций, степень переводческой вариативности.

Abstract. The aim of this scientific research is to study the problems which are connected with the improvement of different translation techniques. The article analyses the variable and invariant aspects of translation, proposes a positive factor of translational transformations, considers the principle of their involvement in the dynamic of textual discourse, and tries to determine the status of multi-leveled transformations in translation. Particular attention is paid to the analysis of the criteria which help to estimate the degree of variability in translation: the linguistic form of the text is a lower criterion, while the text's discourse form is an upper criterion of estimation. In conclusion the author raises a question about philosophical, cultural and stylistic aspects of the translation.

Key words: the theory and practice of translation, issues of teaching translation, translation techniques, linguistic form of the text, discourse form of text, motivation factors of transformations, the degree of variation in translation.

Разграничение теории и практики перевода, предложенное ещё родоначальниками лингвопереводоведения, отнюдь не означает их отрыва друг от друга. Теория направлена на то, чтобы обучить специалиста свободно ориентироваться в любой ситуации не только письменного, но и устного перевода, понимать его природу и методику реализации как акта опосредованной межъязыковой коммуникации [5; 10; 14]. Цель переводческой практики состоит в умелом и сознательном применении положений изученной теории в деятельности переводчика. Ещё А.В. Фёдоров говорил о том, что теория перевода должна «... способствовать переводческой практике, которая могла бы черпать в ней доводы и доказательства в пользу нужных средств выражения и в пользу определённого решения конкретных задач» [13, с. 21].

Теория перевода и переводческая практика занимают ключевое место среди большого разнообразия филологических дисциплин, преподаваемых в языковом вузе. Вместе с тем, на сегодняшний день для многих переводоведческих курсов свойственна несбалансированность теоретического и практического аспектов подготовки переводчиков: одни курсы направлены преимущественно на развитие знаний теории, другие, напротив, на совершенствование

практических навыков (в полной изоляции от теории). Впрочем, игнорирование положений теории перевода (лингвистической) долгое время было характерным для литературоведческого переводоведения. В своё время сторонники данного направления высказывались о недостаточной эффективности положений лингвопереводоведения по отношению к практике, всячески подвергали критике языковедческий подход: «Можно даже усомниться в надобности лингвистической теории перевода для художественного перевода. В самом деле, если лингвисты сами понимают, что никаких рецептов они предложить не в состоянии..., то к чему переводчику художественных произведений их сопоставления на всех уровнях лингвистики, включая стилистику языка, если это остаётся в стороне от процесса перевода?» [1, с. 171-172].

Как бы то ни было, но роль теории ни в коей мере не следует сбрасывать со счетов, поскольку, как было замечено ещё в древности, теория всецело связана с практикой и в значительной степени оказывает помощь не только обучаемому, но и специалисту-переводчику. Так или иначе, в своей деятельности переводчик обращается к теоретическим источникам, анализирует выполняемые действия, постоянно моделирует ситуации посреднической деятельности, делает выбор в пользу оптимальных путей решения различных коммуникационных задач.

Важнейшим разделом теории, который органически связан с практикой, является раздел о переводческих приёмах. Эта сторона теории в сочетании с **практическим преподаванием** перевода служит повышению технологичности переводчика. Благодаря теории переводчик как языковой посредник получает все необходимые знания о сущности самых разнообразных приёмов: от несложных подстановок до комплексных, многоуровневых трансформаций. Следует подчеркнуть, что приёмы для переводчика открывают возможность критического отношения к своим действиям и перспективу самосовершенствования. Именно поэтому в

переводоведческих курсах изучению трансформаций должно уделяться, пожалуй, наибольшее внимание.

Исходя из этого, в данной работе мы предлагаем рассмотреть наиболее значимые проблемные вопросы изучения операционной стороны деятельности переводчика при обучении переводу как комплексной филологической дисциплине в языковом вузе.

На наш взгляд, прежде чем приступать к изучению переводческих приёмов, принципиально важно сформировать у обучаемого знания о природе и сущности текстового пространства как высшей знаковой реальности перевода. Напомним, что текст независимо от стилистической направленности состоит из высказываний. Высказывание – это «минимальная самостоятельная единица коммуникации, представляющая собой синтаксически и интонационно оформленную цепочку слов, определённым способом описывающую некоторую ситуацию и выполняющую определённую функцию в акте коммуникации» [5, с. 33].

Традиционно в высказывании разграничивают две структуры: низшую – **формально-грамматическую** и высшую – **смысловую**. Для изучения этих структур выделяют два типа членения высказывания – **грамматическое** и **актуальное** [9, с. 15].

Грамматическое членение направлено на анализ низшей, формально-грамматической структуры высказывания – предложения, выполняющего функцию его языковой основы.

Актуальное членение, напротив, всегда ориентировано на анализ высшей, смысловой структуры высказывания, которая выражена формально-грамматической структурой (предложением) и выполняет в речевом контексте коммуникативную функцию.

При грамматическом членении осуществляется деление предложения на определённое количество членов, которые соответствуют количеству синтаксических функций слов в данном предложении. Количество членов в предложении может быть различным: в одних случаях – два (напр., подлежащее и сказуемое), в других – три (подлежащее, сказуемое,

дополнение), то есть столько, сколько разных синтаксических функций может быть выявлено в предложении. При актуальном членении происходит деление смысловой структуры высказывания на две части – тему и рему.

Динамика развёртывания смысловой структуры осуществляется не только в отдельно взятом высказывании, но и в более крупных текстовых фрагментах – СФЕ. Следует отметить, что отдельное высказывание в аспекте формы смыслового содержания выражает *переход* от одной мысли к другой в рамках более масштабного текстового построения (СФЕ). Это позволяет анализировать текст (а также перевод) как закономерную последовательность сменяющих друг друга высказываний. Логика высказывания (группы высказываний в СФЕ) подчиняется принципу смысловой и экспрессивной централизации текстовой структуры. СФЕ развёртывается по направлению к его коммуникативному центру (т. е. реме последнего в структуре СФЕ высказывания) [9, с. 29].

Если рассматривать языковую форму применительно к переводу, то она выступает в качестве его низшего, *вариативного* аспекта, а смысловая структура – как высший, *инвариантный* аспект. Выполняя функцию языкового посредника в акте межъязыковой коммуникации, переводчик должен передавать именно *смысл* текста оригинала, а не значения содержащихся в нём грамматических категорий, синтаксических конструкций, фразеологических единиц, различных фигур речи и т. п.

Исходя из этого, можно сказать, что любая переводческая трансформация в своём верхнем (инвариантном) аспекте включается в смысловую структуру текстового дискурса, а в нижнем (вариативном) аспекте – совпадает с его языковым оформлением. Таким образом, в трансформации открывается тесная взаимосвязь *трансляции* и *модификации*.

Перейдём к другому вопросу, который непосредственно связан с изучением приёмов перевода. Данный вопрос заключается в следующем: необходимо ли переводчику использовать в своей коммуникативной де-

ятельности т. н. глубокие (или радикальные) трансформации? На наш взгляд, основная трудность ответа на поставленный вопрос заключается в том, что в теории перевода мнения учёных относительно статуса данных трансформаций и возможности их применения существенно расходятся. Так, сторонники субститутивно-трансформационного типа онтологии [2; 10; 13; 15] считают такие преобразования совершенно недопустимыми, поскольку при их осуществлении происходит выход за границы перевода в область интерпретации. Более того, модификации смыслового содержания (без обоснования мотивов их осуществления) символизируют переводческие вольности, которые имеют для продукта деятельности переводчика свои негативные последствия. Вот что пишет по данному вопросу Л.К. Латышев: «Проблема супертрансформаций возникает, пожалуй, чаще всего не как следствие лингвистических, а как следствие этнических, культурных различий двух народов. У каждого народа есть свой, чисто национальный подход к некоторым предметам и явлениям, не совпадающий с взглядом на них других народов. И эти расхождения не поддаются нивелированию («сглаживанию») с помощью переводческих трансформаций. Те трансформации, которые для этого требуются, не только *недопустимы* в переводе, но и в известном смысле *абсурдны* (*курсив наш. – А.О.*)» [7, с. 48]. С другой стороны, представители деятельностного типа онтологии, напротив, придерживаются точки зрения, согласно которой модификации текстового смысла, а также различные примечания, комментарии, разъяснения и сноски со стороны переводчика имеют право на существование [3; 6], а переводоведы-ориенталисты в своих исследованиях установили, что без радикальных изменений содержания ИТ (разумеется, по определённым причинам) вообще невозможно осуществить адекватный перевод в условиях глубоких языковых и социокультурных различий [4; 6; 12].

Мы же придерживаемся точки зрения о том, что, несмотря на всевозможные «запреты» со стороны представителей субститу-

тивно-трансформационного типа онтологии по применению глубоких трансформаций, в некоторых ситуациях перевода всё же приходится прибегать к изменению содержания (при наличии конкретных причин). Так, сопоставительный анализ исходных и переводных текстов показал, что в англо-русском переводе глубокие трансформации осуществляются при необходимости нейтрализации расхождений в запасах фоновых знаний представителей различных лингвокультурных коллективов, а также при передаче реалий, фигур речи, тропов, идиом, речевых стереотипов, архаизмов, диалектной и неправильной речи и др. [9, с. 10]. Сталкиваясь при переводе с трудностями, обусловленными экстралингвистическими различиями коммуникативных компетенций носителей ИЯ и ПЯ, ничего не остаётся, как применить глубокие трансформации. Опыт переводческой практики уже давно показал, что использование в таких ситуациях относительно несложных морфологических, синтаксических или лексических замен ещё не в состоянии обеспечить адекватность ПТ по отношению к ИТ [10, с. 59-68]. Однако, с другой стороны, мы не привязываемся к позиции переводоведов-психолингвистов относительно частого осуществления смысловых модификаций. С нашей точки зрения, какой бы глубокой ни была трансформация, неизменными должны оставаться общая смысловая коммуникативная установка речи в выбираемом масштабе текстового дискурса и общая направленность выразительного развёртывания СФЕ к своему коммуникативному центру – реме последнего в СФЕ высказывания. Важно также принимать во внимание и влияние стилистической принадлежности текста оригинала, так как трансформации, характерные для перевода произведений художественной литературы, могут быть недопустимыми для публицистических текстов, не говоря уже о текстах специальных.

Более того, на переводчика также должны распространяться запреты по применению «глубоких трансформаций» в тех случаях, если:

- происходит радикальное изменение коммуникативного задания исходного высказывания и СФЕ;

- осуществляются изменения смыслового содержания или авторского способа подачи информации без обоснования мотивов (произвольные переформулирования, добавления, неуместные опущения, неуместные комментарии);

- имеют место перестановки целых сверхфразовых структур внутри текста, которые нарушают логику развёртывания мысли.

Чтобы избежать подобных нарушений и не превращать перевод в интерпретацию, адаптацию или сплошную переделку, необходимо знать критерии оценки осуществляемых при переводе изменений (трансформаций). Итак, при оценке отклонения ПТ от ИТ принципиальное значение имеет взаимосвязь языковой формы и формы смыслового содержания. Языковая форма выступает в качестве нижнего критерия оценки переводческой трансформации. Смысловая форма – в качестве верхнего критерия. Оценка глубины трансформации осуществляется путём сравнения способа языкового выражения и смысловой формы высказывания на ПЯ с языковым выражением и смысловой формой высказывания на ИЯ.

Исходя из этого, когда изменение касается лишь аспекта языковой формы при точном соблюдении параметров формы смыслового содержания, это результат осуществления в целом неглубоких трансформаций. Если же преобразования вторгаются в область формы актуального членения (в масштабе высказывания или даже группы высказываний), то это результат трансформаций большой глубины.

Наконец, ещё один немаловажный вопрос, который всегда следует учитывать при изучении операционной стороны деятельности переводчика, заключается в определении «положительного» мотива использования переводческих приёмов. Таким мотивом является **текстовый смысл**, представленный формой актуального членения. Все возможные отклонения ПТ от ИТ – грамматические и лексические замены, добавления, опущения, переста-

новки, экспликации, компрессии, сложные разноуровневые преобразования, смысловые замены, а также примечания и комментарии – мотивированы необходимостью повторения смысла оригинала в ПТ. Данный «положительный» мотивирующий фактор находится в оппозиции к факторам отрицательного порядка (основанных на расхождении коммуникативных компетенций носителей ИЯ и ПЯ), однако не отрицает их воздействие на использование трансформаций.

С нашей точки зрения, именно рассмотренные выше вопросы должны быть в первую очередь учтены в курсах по подготовке переводчиков. Кроме того, при анализе и оценке переводческой деятельности должен приниматься во внимание принцип устойчивой взаимосвязи языковой и смысловой (дискурсивной) форм. Учитывая данную взаимосвязь, представляется возможным определять динамику смысла в тексте, обосновать целесообразность применения большего числа трансформаций, с большей точностью выявлять совокупность положительных мотивационных факторов перевода, определять критерии переводческой вариативности, проводить анализ комплексных модификаций.

Наконец, наряду с этим представляется небесполезным раскрывать перед будущими специалистами историю переводоведения и переводческой деятельности в целом [8], перевод как философскую [11] и культурологическую категорию [5; 6; 14], проблему стиля в переводе [7; 16], а также вопросы профессиональной переводческой этики [17].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гачечиладзе Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – М.: Советский писатель, 1980. – 225 с.
2. Дмитренко В.А. Максимальность в переводе // Тетради переводчика. – Выпуск 15. – М.: Международные отношения, 1974. – С. 22-30.
3. Казакова Т.А. Аспекты теории письменного перевода. – Свердловск: Изд-во Свердловского госуд. педагог. ин-та, 1988. – 49 с.
4. Керимбекова М.Р. Перевод как фактор литературных взаимосвязей (на материале переводов драматургического наследия В. Шекспира на киргизский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Фрунзе, 1982. – 18 с.
5. Комиссаров В.Н. Проблемы лингвистического анализа перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1975. – 53 с.
6. Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1989. – 42 с.
7. Латышев Л.К. Технология перевода: учебное пособие. – 3-е изд., стер. – М.: Академия, 2007. – 320 с.
8. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки о переводе: от глубокой древности до наших дней. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 340 с.
9. Олейник А.Ю. Интерпретация текста и методика её осуществления. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 64 с.
10. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – 215 с.
11. Таирбеков В.Г. Философские проблемы науки о переводе (гносеологический анализ). – Баку: Изд-во Азербайджанского госуд. ун-та, 1974. – 181 с.
12. Файзуллаева Р. Национальный колорит и художественный перевод. – Ташкент: Фан, 1979. – 111 с.
13. Федоров А.В. Введение в теорию перевода. – М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1953. – 336 с.
14. Bassnett-McGuire S. Translation studies. – London; New York: Routledge, 2000. – 168 p.
15. Newmark P. Approaches to translation. – Oxford: Pergamon Press, 1981. – 292 p.
16. Nord Ch. *Textanalyse und Übersetzen: Theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer Übersetzungsrelevanten Textanalyse.* – Heidelberg: Jukius Groos Verlag, 1988. – 186 p.
17. Riccardi A. Translation studies. Perspectives and Emerging Discipline. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 215 p.